УДК 291.68 Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2014. Вып. 4

Т. И. Хижая

«НАЧИТАВШИСЬ БИБЛИИ»: К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ ИУДЕЙСТВУЮЩИХ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена анализу некоторых аспектов саморепрезентации русских иудействующих в XIX — начале XX вв. На протяжении рассматриваемого периода происходило конструирование идентичности последователей «Моисеева закона», основой для которого служили ветхозаветные тексты. Религиозный компонент доминировал и в позитивной, и в негативной стратегиях построения идентичности субботников. Иудаизанты называли себя «евреями» (в библейском смысле), «народом Божьим», «пришельцами к Израилю», «потомками Авраама», «десятью израильскими коленами» и т. п. Негативная идентичность приверженцев «Моисеева учения» реализовывалась через сопоставление с современными им евреями и православными. Отношение к иудеям в разных сектантских сообществах варьировалось от враждебного дистанцирования до полного отождествления. Противопоставляя себя православным, иудействующие оперировали такими понятиями, как «плен», «язычники» и т. п., соотнося окружавшую их реальность с библейской эсхатологией, топонимикой, этнонимикой. При этом в самосознании части субботников имплицитно присутствовали христианские концепты и идеи. Библиогр. 20 назв.

Ключевые слова: русские иудействующие, позитивная идентичность, негативная идентичность, Моисеев закон, «пришельцы к Израилю».

T. I. Khizhaya

'HAVING CONSUMED TOO MUCH BIBLE': CONCERNING THE IDENTITY OF THE RUSSIAN JUDAIZERS OF THE XIXTH — EARLY XXTH CENTURY

The article attempts to analyze some aspects of the Russian Judaizers' self-representation from the nineteenth to the early twentieth century. During the period under review the identity of the followers of 'Mosaic Law' was being constructed on the basis of the Old Testament. The religious constituent was dominating in both negative and positive identities of the Subbotniks. The Judaizers called themselves 'Jews' (biblically), 'the congregation of the Lord', 'newcomers to Israel', 'Abraham's offspring', 'the ten tribes of Israel' and so forth. The negative identity of the followers of 'Mosaic Law' was being realized by means of correlation with contemporary Jews and Orthodox Christians. The attitude to Jews varied from hostile distancing to full identification in different sectarian communities. Contrasting themselves to the Orthodox Christians the Judaizers used such concepts as 'captivity', 'gentiles', correlating surrounding reality with biblical eschatology, toponymics and ethnonymics. At the same time Christian notions and ideas were implicitly represented in the self-consciousness of some of the Subbotniks. Refs 20.

Keywords: the Russian Judaizers, positive identity, negative identity, Mosaic Law, 'newcomers to Israel'.

Проблема идентичности русских иудействующих приковывает внимание исследователей уже более столетия. Во второй половине XIX в. авторы, изучавшие жизнь субботнических общин, энергично выражали свои эмоции по поводу того, что русские простолюдины приняли «еврейскую веру». Подобная смена идентичности представлялась современникам очевидным парадоксом: чтобы «какой-нибудь Кузька… и по внешнему виду и даже по способу мышления» сделался точно таким же, как «какой-нибудь раби из Могилева» [1, с. 230–231]? Некоторые наблюдатели считали, что последователи «Моисеева закона» совершенно утратили исконные чер-

Хижая Татьяна Игоревна — кандидат философских наук, доцент, Владимирский государственный университет, 600000, Владимир, ул. Горького, 87; bobcat64@mail.ru

Khizhaya Tatiana I. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Vladimir State University, 87, ul. Gorkogo, Vladimir, 600000, Russian Federation; bobcat64@mail.ru

ты российской народности и самобытности, перевоспитались до полного сходства с евреями.

В данной статье предпринимается попытка уяснить некоторые аспекты самоидентификации русских иудаизантов XIX — начала XX вв.

Опираясь на архивные документы, мы можем утверждать, что субботники уже с начала XIX столетия постоянно использовали слово «еврейский» (и его синонимы), а также выражение «Моисеев закон» при характеристике своей веры и «родовой» принадлежности, вкладывая в понятие еврейства исключительно религиозный смысл. Вождь саратовских «жидовствующих» Родион Милюхин писал о своих единоверцах, как о людях, «приложившихся по одному закону к роду еврейскому» и принявших «веру Моисеева закона» [2, л. 6-6 об.]. Купец Иван Гуляев, оценивая собственное вероисповедание, был уверен: «кто в веру еврейскую пойдет, тот будет святой» [3, л. 15]. Елецкий сектант Иван Жегулин ощущал свою причастность к евреям эпохи Христа: «…*Наши* евреи Спасителя *вашего* драли за волосы и били кулигьями» [4, л. 27]. Оппозиция наши/ваши у субботника, вступившего в яростную полемику с православными, носила отчётливо выраженный религиозный характер.

Аналогичную интерпретацию понятия «еврей» мы встречаем у иудействующих, идентифицировавших себя с библейским Израилем, во второй половине XIX — начале XX в. Закавказские геры, по свидетельству этнографа С. Максимова, объясняли: «…Евреи мы настоящие, потому что строго повинуемся закону Моисея» [5, с. 338–339]. В одном из субботнических обрядников в качестве самообозначения использовалось выражение «израильские народы». Источник демонстрирует, что сектанты ощущали себя частью религиозного сообщества — «Израиля» («Сиона», «иудеев») [6, с. 12, 14.] Иудействующие одного из астраханских сёл в своих литургических практиках также использовали понятие «род израилев», которое употреблялось и в чисто бытовых разговорах: «Хорошо бы теперь роду израилеву освежиться дождичком» [7, с. 195, 211]. Это означает, что оно глубоко укоренилось в дискурсе «русских евреев».

Существовали и другие, семантически близкие самоназвания. Иудаизанты именовали себя «народом Божьим», «пришельцами к Закону», «пришельцами к Израилю». При этом они ссылались на соответствующие библейские тексты, в которых шла речь об «иноплеменниках», «присоединившихся к Господу». Причисляли себя субботники и к «потомкам Авраама», объясняя свои претензии тем, что «и Авраам… бывший язычником и познавший истинного Бога, называет себя гером, т. е. пришельцем в землю обетованную, и пришельцем в веру истинную» [5, с. 340]. Такой взгляд совпадал с традиционным взглядом на Авраама как отца всех прозелитов, существовавшим в иудаизме.

Одна из особенностей самосознания «русских израильтян» — отнесение себя (косвенное или прямое) к потерянным еврейским коленам. Из 3-й книги Ездры субботники заимствовали легенду о десяти коленах израильских, к которой проявляли острый интерес, подвергая её своеобразной интерпретации [5, с. 349]. Источники говорят о популярности сказания об исчезнувших коленах в некоторых общинах иудействующих. Сектанты из Закавказья, Воронежской и Астраханской губерний верили в сокровенное существование за Евфратом десяти израильских племен, которые появятся на сцене мировой истории в самом её конце. Именно тогда с ними соединятся все приверженцы «Моисеева закона» [8, с. 163–164]. Таким образом, под-

черкивалась причастность субботников и к ветхозаветным персонажам, и к грядущему мессианскому процессу. Подобный «эсхатологический оптимизм» окрашивал и мифологему десяти колен в средневековом иудаизме. А иудействующие из с. Еленовка прямо отождествляли себя с пропавшими коленами [9, с. 175–176].

В некоторых случаях «русские евреи» выделяли себя как сообщество под именем «Новый Израиль». Это самоназвание встречается, например, в общине, изученной этнографом В. Майновым. «Новый Израиль» мыслился сектантами как часть «всего святого Израиля» и как преемник библейских евреев. Современные иудеи, а также геры элиминировались из воображаемой сакральной общности. Любопытно, что идентичность этих последователей «Моисеева закона» носила не только вероисповедный, но более широкий религиозно-нравственный характер. Называя себя герами, иудействующие относили к данной категории пророков Моисея, Самуила и весьма почитаемого в общине Христа. Слово «гер» оказывалось синонимом праведности: «Малым чем Господь хера от ангелов умалил»; «хер всё одно, что праведник» [1, с. 233–246].

Саратовские молокане-субботники, описанные Н. И. Костомаровым, также отождествляли себя с «Новым Израилем». Они считали себя неким субститутом иудеев, лишенных возможности совершать жертвоприношения по причине рассеяния: «Евреи теперь не приносят жертв, ибо они в изгнании, а мы — Новый Израиль: нам надобно приносить жертвы» [10, с. 59].

Близка к содержанию этого понятия идея, согласно которой «божественная Премудрость» до разрушения Иерусалима пребывала исключительно в Израиле, а теперь обитает во всех народах, принимающих ветхозаветную веру, включая субботников. Эту мысль разделяли сектанты одного из астраханских сел [8, с. 163–164]. Более того, когда в конце XIX в. астраханских иудействующих охватило эсхатологическое движение, некоторые из них заявляли, что в царстве Мессии они окажутся счастливее «природных евреев», ведь последние на протяжении истории проявляли непокорность Богу, были виновны в идолопоклонстве и убийстве пророков. Субботники же, непричастные к их грехам и добровольно принявшие Моисеев закон, будут наслаждаться безмятежным покоем [11, с. 651]. В этих размышлениях можно обнаружить перекличку с новозаветными идеями о непослушании древних евреев Богу, об их преступлениях и т. д. Это своеобразная самоапология по принципу «блаженны не видевшие, но уверовавшие».

В перечисленных фактах, с одной стороны, просматриваются претензии иудаизантов на некую уникальность и особенное призвание, а с другой — своеобразный универсализм, делающий акцент на религиозном, а не кровном родстве с народом Писания. Субботники ощущают себя духовными потомками персонажей Библии в силу исполнения заповедей, порой отказывая в принадлежности к «Израилю» этническим евреям и придавая собственной идентичности этическую коннотацию. В целом такое самопонимание созвучно христианской концепции «замещения»: «Церковь — Новый Израиль». Не случайно присутствие термина «Новый Израиль» в среде молокан-субботников, с симпатией относившихся к Новому Завету и образу Христа. Все эти моменты свидетельствует о глубинном, возможно, подсознательном влиянии христианских идей и концептов на идентичность части сектантов.

Мы видим, что религиозная составляющая являлась базовой в позитивной саморепрезентации русских иудействующих. Иногда субботники заимствовали кон-

фессионимы у властей, называя себя принадлежащими к «*секте* Моисеева закона» и иудействующими. Негативная идентичность реализовывалась через сопоставление себя, своей общности с другими: во-первых, с иудеями-современниками, во-вторых, с православными.

Отношение сектантов к евреям было крайне сложным и противоречивым. С одной стороны, мы наблюдаем ярко выраженное тяготение последователей «ветхозаветной веры» к представителям ортодоксального иудаизма. Источники уже с начала XIX в. фиксируют стремление приверженцев «Моисеева учения» копировать поведенческие модели ашкеназов, стать «такими, как они». Граница между Израилем Писания и современными евреями в глазах некоторой части иудаизантов стирается.

Ещё в 1806 г. воронежские субботники заявили, что желают присягать «как природные евреи» [12, л. 10]. В 1810–1820-х годах иудействующие из Бендер, «начитавшись Библии», не только посещали синагогу, совершали обрезания, по-еврейски одевались, учили иврит, но и меняли свои имена на идишские, а один из них выбрал себе новую фамилию «Левитин». На допросах в полиции они заявляли о своем желании «сделаться евреями» [13]. С течением времени количество таких примеров стремительно возрастает. В глазах субботников главный секрет привлекательности евреев как религиозных руководителей заключался в их принадлежности к многовековой иудейской традиции, генетически восходящей к Ветхому Завету. Использование сакрального языка Библии, детальная разработка ритуалов в иудаизме — всё это оказывалось весьма значимым для сектантов, пытавшихся самостоятельно конструировать религиозные практики на основе Писания.

Нередко это сочеталось с ощущением некоей ущербности: «…Евреи мы настоящие… но вполне иудеями называться не можем» [5, с. 338–339]. Чувство неполноценности у «русских израильтян» возникало в связи с тем, что они не владели библейским ивритом, а их религиозные практики не вполне совпадали с иудейскими. Субботник из г. Царёва скромно отводил своим единоверцам в царстве Мессии вторую роль после «древних и нынешних раввинов и учителей» [14, с. 135–136]. В 1917 г. глава общины иудействующих в станице Родниковской, указывая на детей, произнёс со слезами: «В темноте я жил и во мраке помру, но они, маленькие эти, будут настоящими евреями» [15, с. 198].

Начиная с последней трети XIX в. мы обнаруживаем случаи, когда геры прямо отождествляют себя с евреями. Субботник-«палестинофил» Дмитрий Грачев в написанном им «Воззвании» обнадеживал своих единоверцев: «Есть уже правители в среде нашего народа — барон Гершон» [11, с. 654]. На реплику миссионера: «Вы русский, но не еврей» следовал ответ: «Что туземец, что пришелец — всё одно» [17, с. 177]. Иудействующие из Верхотишанки (села в Воронежской губернии) в начале XX в. заявляли: «Мы евреи, а не русские» [16, с. 94].

В 1911 г. геры из Иркутской губернии (село Зима) выбрали своим наставником «коренного еврея». Когда местная администрация отказала им в утверждении этой кандидатуры, они подали жалобу в Сенат, выдвинув следующий аргумент: община ничем не отличается от чисто еврейской. С другой стороны, зиминские сектанты, согласно документам, часто заявляли: «Я субботник и с евреем не имею ничего общего» [18, с. 238]. Стремление провести демаркацию между собой и евреями, подчеркнуть свою уникальность свидетельствует о ярко выраженной негативной идентичности, желании оставаться самим собой.

Подобная позиция была особенно свойственна «ветхозаветникам», отвергавшим раввинистическую традицию. Иудействующие, описанные В. Майновым, отказывали евреям, почитавшим «Талмуд», в праве считаться «герами». По словам ученого, «жид», «жидовство» для них — бранные слова, «жид-талмудист» — тот, кто «еретически толкует закон Моисеев» [1, с. 243–244]. Сибирские молокане-субботники критиковали евреев за ожидание Мессии — земного царя, упрекали их за некоторые пищевые запреты, которые, по мнению сектантов, отсутствовали в Библии [19, с. 59].

Закавказские иудействующие гордились тем, что они правильнее, чем евреи, исполняют законы ритуальной чистоты: «Приезжали к нам настоящие рабины и удивлялись, как мы строго соблюдаем Моисеев закон, а не могли нас оспорить». По тонкому замечанию С. Максимова, субботники ценили эту похвалу раввинов, что говорило о потребности в некоем оправдании их религиозных практик извне [5, с. 344].

Такую «легитимацию» своей религиозной жизни «жидовствующие» пытались найти в караимах: «То ли дело хурувимы — это вот верные и от них нам многому поучиться следует, эти Мысеева закона, настоящий Израиль» [1, с. 244]. Астраханские иудействующие делились своей заветной мечтой: «Нам желательно сблизиться с караимами» [7, с. 199]. Ориентация на караимов привела к возникновению караимитов — одного из течений субботничества. Всё это свидетельствовало о попытках построения новой идентичности.

Что касается православных, то в глазах последователей «Моисеевой веры» они часто оказывались «язычниками», «идолопоклонниками», «человекобожниками», осужденными на погибель. Ощущение враждебного окружения, идеология осаждённой крепости были характерны для многих сектантов, на что указывают выражения «ненавидящие нас», «все преследуют нас» и т. п. Это вызывало замкнутость общин, дистанцирование их от православных соседей.

Представления об «иноверцах» переносились на отношение к России, проникнутое библейскими реминисценциями. Ключевой мифологемой здесь был образ плена, подобного египетскому и вавилонскому плену древних евреев.

В трудах известных миссионеров последних десятилетий XIX — начала XX в. стало общим местом упоминание о том, что иудействующие ощущали себя пленниками в России. Это вывод носит слишком обобщённый и упрощённый характер: известны случаи, когда сектанты проявляли вполне лояльное отношение к России и русскому царю. Однако он вполне обоснован при описании мироощущения конкретных людей и общин, например астраханских последователей «Моисеева закона» конца XIX в. Так, в 1889 г. «жидовствующие» с. Балыклейского во время публичной беседы с миссионером объясняли: «Мы пленники среди вас, потому не можем исполнять всего закона Моисеева, приносить жертвы». Православные жители с. Заплавного, сталкивавшиеся с субботниками в повседневной жизни, отмечали: «Они… говорят, что в России они пленники, и молятся о погибели пленившего их русского царства» [17, с. 133, 193]. Иудействующие отождествляли Россию с антагонистами Израиля, как историческими, так и эсхатологическими: «Россию называют Ассуром… Вавилоном и Гогом, и всё, что пророки изрекли об этих странах и народах, прилагают к России. Сказанное о Гоге читают…: Гог, в земле Магог, князь Роса, Мосохо и Тоболо. Это, по мнению сектантов, значит: князь России, Москвы и Тобольска» [20, с. 531]. Словом «Ассур» названа в 3-й книге Ездры нечестивая языческая монархия

последних времен. Предстающая в образе трехглавого орла, владычествующая над избранным народом, она ассоциировалась у иудействующих с Российской империей, тем более что чтение библейского этнонима слева направо (как это принято в иврите) давало узнаваемую «Руссу».

Таким образом, библейский текст напрямую соотносился с конкретной действительностью, а понятие России оказывалось вписанным в эсхатологические представления сектантов и имело ярко выраженные негативные коннотации.

Примечательно, что 3-я книга Ездры, опираясь на которую иудаизанты выстраивали образ «среды обитания», содержит идею исключительности библейского Израиля: именно для него создан мир, а другие народы — «ничто, но подобны слюне» (3 Езд. 6, 55–59). Православные миссионеры конца XIX в. зафиксировали выраженное практически прямой цитатой отношение субботников к тем, кто не разделяет их веру: «Убеждены, что народы языческие погибнут, так как они вменены в плюновение и почитаются за ничто» [17, с. 116].

Мессианизм астраханских последователей «Моисеева закона» актуализировал подобные представления. Акцент в эсхатологических воззрениях делался на идее политического господства «потомков Авраама», к которым причисляли себя субботники, над другими народами: «Они займут… дома, которых не строили, виноградники, которых сами не садили, а покорённые народы за честь сочтут быть рабами у них» [11, с. 651]. Эти и подобные им утверждения не были выдуманы сектантами, но базировались на соответствующем толковании ветхозаветных текстов.

Выражая мысль о низложении Мессией всех врагов Израиля, субботники подчёркивали неизбежность грядущего суда над «христианами». Именно с теми, кто их непосредственно окружал, у «жидовствующих» связывались представления о языческих царях и непокорных народах Библии. С наступлением мессианского царства иудействующие надеялись взять реванш за многолетние преследования со стороны государства, с которым ассоциировались у них все «православные». В 1889 г. астраханская субботница предрекала: «О горе вам, окаянным! …Воссядут тогда потомки Авраама на двенадцати престолах и будут судить вас» [14, с. 124].

Выводы. Мы обнаружили, что на протяжении XIX — начала XX в. происходило конструирование идентичности русских иудействующих. Об этом свидетельствует разнообразие самоназваний и самоопределений субботников, большинство из которых появлялось благодаря чтению и интерпретации библейских текстов. Ветхий Завет стал фундаментом, на котором строилось самосознание последователей «Моисеева закона». Именно поэтому саморепрезентация иудаизантов носила прежде всего религиозный характер. Религиозный компонент играл ключевую роль не только в позитивной стратегии построения идентичности, но и в негативной. Так, у субботников, отрицающих раввинистическую традицию, основным критерием отношения к евреям и герам была «строгость» исполнения заповедей и все инвективы в адрес «талмудистов» носили религиозный характер. В целом можно сказать, что в пространстве «иудействующие — геры — евреи — караимы» проявлялось соперничество за аутентичность, правильное толкование и соблюдение Закона. В процессе этого соперничества происходила кристаллизация идентичности — размежевание или сближение с теми или иными религиозными сообществами.

Противопоставляя себя православным, иудействующие апеллировали к священным текстам, соотнося окружавшую их реальность с ветхозаветной апокалиптикой, топонимикой, этнонимикой.

В то же время в самопонимании части российских иудаизантов имплицитно присутствовали образы, идеи, концепты, перекликающиеся с христианскими.

В заключение следует отметить, что религиозная составляющая доминировала в идентичности субботников, однако не была единственной. В самоидентификации приверженцев «Моисеевой веры» присутствовали также этнические критерии и коннотации, конфессионимы сочетались с этнонимами. Но эта проблема требует отдельного исследования.

Литература

1. *Майнов В.* Странная секта // Сборник «Неделя». Русские общественные вопросы. СПб.: Гайдебуров и Конради, 1872. С. 230–253.
2. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1284. Оп. 195. Д. 23.
3. РГИА. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 67.
4. РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5492.
5. *Максимов С.* За Кавказом (из дорожных заметок) // Отечественные записки. 1867. № 5. С. 333–353.
6. *К. П.* Обряд совершения брака у субботников, их моления при погребении умершего и «молебен за Царя и отечество» // Киевские епархиальные ведомости. 1881. № 12. С. 11–14.
7. *Попов К.* На молитвенных собраниях у субботников // Странник. 1877. Т. 2. С. 183–211.
8. *Г. В.* К истории молоканской (жидовствующей) секты в Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1889. № 4. С. 157–171.
9. *Ювачёв И. П.* Закавказские сектанты // Исторический вестник. 1904. Январь. С. 167–179.
10. *Костомаров Н. И.* Воспоминание о молоканах // Отечественные записки. 1869. № 3. С. 57–78.
11. *Тифлов М.* Современное движение между субботниками // Астраханские епархиальные ведомости. 1892. № 21. С. 650–661.
12. РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 8876.
13. РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 2.
14. По закоулкам г. Царёва // Астраханские епархиальные ведомости. 1889. № 3. С. 123–136.
15. Геры и субботники Кубани в описании анонимного ростовского сиониста (осень 1917 г.). Публикация А. Симоновой // Вестник еврейского университета в Москве. 1998. № 1. С. 193–203.
16. *Бондарь С. Д.* Секты хлыстов, шалопутов, духовных христиан, старый и новый Израиль и субботников и иудействующих. Пг.: Тип. В. Д. Смирнова, 1916. 144 с.
17. Отчет Астраханского Кирилло-Мефодиевского Общества за 1888 год // Астраханские епархиальные ведомости. 1889. № 20–23. С. 116–201.
18. *Рабинович В. Ю.* Положение зиминских субботников в обществе: постановка проблемы // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Материалы и тезисы докладов к XI междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. Т. 1. С. 232–235.
19. *Астырев Н.* Субботники в России и Сибири // Северный вестник. 1891. № 6. С. 34–70.
20. *Тифлов М.* Из записок и дневников. О переселении сектантов жидовствующих в Палестину // Миссионерское обозрение. 1904. № 5. С. 530–537.

Статья поступила в редакцию 16 июня 2014 г.